

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЦЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИИ В СТРУКТУРЕ ВАНДАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ:
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

*Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда,
проект 17-18-01278*

Статья посвящена вопросу прогнозирования и профилактики городского вандализма, описывает исследование влияния компонент вандального действия на представление субъекта о готовности к вандализму. В статье описывается современное состояние исследований компонентов вандального действия – мотивов, установок, представлений. Показано, что теоретическим основанием для исследования внутреннего плана вандальных действий может выступать деятельностный подход. На его основе определяется теоретическая модель, включающая мотив вандального действия и представления, регулирующие его воплощение. Таковыми выступают субъективная ценность вандального действия и значение, которое субъект придает вандальному действию. Описывается организация, процедура и результаты эмпирического исследования представлений о вандальном действии. На выборке молодежи, проживающей в 106 российских городах (n = 650 человек), изучаются отношения между субъективными представлениями о способности к совершению вандального действия, его мотивах, приписываемой ценности и значении. Результаты показывают наличие сопряженного влияния данных представлений на субъективную способность к вандальному действию. Их интерпретация демонстрирует наличие противоположных подходов к оценке вандализма – от неприятия к принятию. Делается вывод о необходимости дальнейшей эмпирической проверки роли ценности и значения в детерминации и регуляции вандализма.

Ключевые слова: вандализм, представления о вандализме, оценка вандализма, городская среда, социальное поведение, представление о пространстве

Информация об авторах: Злоказов Кирилл Витальевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, кандидат психологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: zkirvit@yandex.ru

Дата поступления статьи: 12.09.2020

Для цитирования: Злоказов К.В. Представление о ценности и значении в структуре вандального действия: эмпирическое исследование // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 4. С. 80-85. DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-80-85>

Kirill V. Zlokazov
The Urals State Pedagogic University

**REPRESENTATION OF VALUE AND MEANING IN THE STRUCTURE OF VANDALISM:
AN EMPIRICAL STUDY**

*This work was supported by the Russian Science Foundation,
project 17-18-01278*

The article is devoted to predicting and preventing urban vandalism. In the article described current state of research on structure of vandalism – motives, attitudes, ideas. It is shown that the activity approach can serve as a theoretical basis for study of the internal plan of vandal actions. On its basis, a theoretical model is determined, including the motive of vandalism and the ideas that regulate its implementation. These are the subjective value of vandal action and value that subject attaches to vandal action. The organisation, procedure and results of empirical research are described. Using a sample of young people living in 106 Russian cities (n = 650 people), we study the relationship between subjective ideas about the ability to commit a vandal act, its motives, attributed value and meaning. The results show that there is a conjugate effect of these representations on subjective ability to behave like a vandal. Their interpretation shows the presence of opposite approaches to the assessment of vandalism – from rejection to acceptance.

Keywords: vandalism, perceptions of vandalism, assessment of vandalism, urban environment, social behaviour, social space

Information about the authors: Kirill V. Zlokazov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, the Urals State Pedagogic University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: zkirvit@yandex.ru

Article received: December 12, 2019

For citation: Zlokazov K.V. Representation of value and meaning in the structure of vandalism: an empirical study. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2020, vol. 26, № 4, pp. 80-85 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-80-85>

Вандальное поведение в последние годы становится актуальной проблемой, тревожащей горожан. Объяснением этому выступают, с одной стороны, темпы расширения городской среды, а с другой – появление сообществ городских жителей – домов, кварталов, районов в интернет-пространстве. Все чаще городские жители обсуждают разрушения, причиняемые внутрименовому и дворовому имуществу, выражая недовольство, ищут пути противодействия. Поскольку проблема вандализма сейчас не имеет однозначного практического решения, научное исследование может позволить определить стратегии и меры пресечения вандальных практик.

Внимание к вандальному поведению имеет и научный интерес. Научная актуальность изучения вандализма заключается в отсутствии представлений о механизме вандального действия. Существующие сейчас концепции предлагают разные объяснения побуждений к вандализму и регуляторов вандального поведения. Предполагается, что вандализм порождается творчеством и самовыражением молодежи [Гурова: 76], следствием напряжения [Afshani: 729] или городского стресса [Lewis: 336]. В криминальной психологии вандализм рассматривается аналогом хулиганства и объясняется антиобщественным отношением личности, пренебрежением общественными нормами [Canter: 277].

Научная необходимость изучения вандализма обоснована не только задачей интеграции существующих концепций вандального поведения, но и разработкой стратегии его профилактики. Современные концепции профилактики вандализма достаточно широки. Предлагаемый в них инструментарий варьируется от мер карательного (уголовного и административного характера) и повышения антивандальной защищенности городских объектов до вовлечения горожан в заботу о городской среде [Cecato, Haining: 1651]. Вместе с тем их неспособность снижать вандальные проявления также стимулирует исследовательский интерес к профилактике вандализма.

В данной статье обсуждается и эмпирически изучается представление личности относительно допустимости вандализма. Предполагается, что данное представление определяет восприятие и оценку вандализма, а также регулирует представление о допустимости вандальных действий.

Цель статьи – обобщить эмпирические сведения о составляющих вандального действия (мотивов, ценности и значения) и определить их влияние на субъективную способность к совершению вандализма. Исследование основывается на предположении о том, что способность к совершению вандальных действий базируется на конкретных мотивах, преобладании субъективной ценности вандализма над ценностью разрушаемой среды, а

также ориентацией субъекта на приписывание значения вандальным действиям других людей.

Структура статьи отражает задачи, решаемые для достижения цели. В теоретической части статьи показаны предпосылки для концептуализации субъективных компонент вандального действия. Посредством анализа научных публикаций определяются и описываются ее компоненты – мотивация вандальных действий, признание ценности вандального повреждения объекта городской среды и придание определенного значения вандальным действиям. Эмпирическое исследование раскрывает отношения между данными компонентами, показывая их влияние на оценку личностью своей способности к совершению вандальных действий. В завершении статьи формулируются выводы о факторах, обуславливающих оценку вандализма молодежью.

Представления о структуре вандального действия. Теоретическим основанием исследования вандального действия в рамках данной статьи выступает теория деятельности (А.Н. Леонтьев). Аргументами в пользу ее выбора являются: во-первых, соответствие ее предметной области проводимому исследованию, во-вторых, экспериментальная, эмпирическая обоснованность данных положений, показывающая перспективы применения для объяснения психологической структуры действий. Использование положений деятельностного подхода позволяет раскрыть роль внутреннего, осознаваемого субъектом представления о различных компонентах вандального действия. С его позиций структура вандального действия имеет субъективный внутренний план и предполагает осознание причин вандального действия – мотива, его цели, планирования действий по вандальному повреждению и обоснование выбора средств для достижения результата. Схожим образом внутренняя структура действия описывается в концепции «Теория спланированного поведения» I. Azjen [Ajzen: 181]. Обе теоретические модели близки друг другу в части основных компонент субъективного плана действия: побуждения к действию (мотива) и психических образований его регуляции. Но в описании регуляторов действия концепция спланированного поведения сосредотачивается не только на ценностях, но учитывает роль оценки, даваемой социальным окружением действию личности. Итак, руководствуясь деятельностным подходом, вандальное действие можно представить в виде двух компонент – мотива и регуляторов, обеспечивающих его осуществление.

В эмпирических исследованиях вандального поведения мотивационные и регуляторные компоненты вандального действия активно изучаются. В частности, И.В. Воробьевой и О.В. Кружковой предложена типология мотивов вандального поведения молодежи, характеризующая десять видов мотивов – от корысти до скуки [Воробьев, Кружко-

ва: 38]. S. Cohen проанализировал мотивы уничтожения имущества, описав шесть причин вандализма – от тактического замысла до выражения гнева и разочарования [Cohen: 54]. Помимо комплексных описаний вандальных мотивов распространены объяснения частных форм вандализма (от граффити до разрушения культурных ценностей). В них ключевым мотивом называется намеренное противопоставление обществу [Başer, Kırhoğlu, Mavili: 17].

Рассматривая научные представления о регуляции вандального действия, отметим, что регуляторы вандализма представляются по аналогии с регуляторами антиобщественного поведения. Так, вероятность вандального действия объясняется низким уровнем правосознания [Гурова: 79], криминальным влиянием сверстников [Nijhof K.S. et al: 302], влиянием социального окружения [Kruzhkova, Vorobyeva, Zhdanova: 170], враждебным отношением и конфликтами с друзьями, сверстниками [Van Ouytsel, Ponnet, Walrave: 68]. В данных исследованиях регуляция связывается с социальным неблагополучием личности, поскольку в исследованиях вандализм выступает разрушительной реакцией на неприятие личности со стороны социального окружения.

Второе направление регуляции учитывает роль субъективной позиции личности. Анализируя работы, раскрывающие осознанную оценку вандального действия, можно заметить внимание личности к оценке способности вандализма реализовать мотив. Например, убеждение подростков о возможности причинения вреда чужой собственности объясняется ценностью возмездия, важностью привлечения внимания, острой необходимостью контролировать ситуацию [Šakić, Franc., Mlačić: 282]. По мнению субъекта, именно вандальное поведение позволяет достичь этого наилучшим образом. Следует полагать, что допустимость вандального действия для личности определяется его ценностью, превышающей ценность других действий. Соответственно, выяснение отношения между мотивом и ценностью вандального действия может быть продуктивным для прогнозирования способности к его осуществлению.

Развивая это предположение, уточним его необходимостью выяснения значения, приписываемого вандальному действию социальным окружением. Будучи публичным, вандальное действие может быть не понято окружающими людьми. Например, вандальная месть или вандальная креативность может быть не замечена окружающими, соответственно, побуждающий ее мотив не будет удовлетворен. Поэтому важно выявить представление личности о способности вандального действия символически репрезентировать его причину окружающим. Для этого сам субъект должен интересоваться вандальными повреждениями, распознавать причины их возникновения, понимать их значение.

Подводя итоги изложению представлений о внутренней структуре вандального действия, сформулируем положения, перенесенные нами в эмпирическое исследование. Использование в качестве теоретической основы исследования положений деятельностного подхода позволяет обратиться к внутренним компонентам структуры вандального действия. В качестве таковых в работе рассматриваются мотив, побуждающий вандальное действие, а также представления, регулирующие предпочтение вандального действия другим видам действий. Ими выступают субъективное представление о ценности вандального действия и социальном значении вандальных действий.

Эмпирическое исследование. Целью являлось определение влияния трех компонент вандального действия на субъективное мнение о способности к его совершению. В качестве компонент внутреннего плана вандального действия изучались представления: а) о мотиве вандальных действий; б) о ценности вандального воздействия; в) о значении вандального действия.

Процедура исследования. Обследуемым предъявлялся набор фотографий вандальных действий (вандалных повреждений памятника, стены многоквартирного дома, личного автотранспорта), а также проводился опрос с помощью специально разработанной анкеты. Применялись две эквивалентные формы анкеты – бланковая и интернет-анкета. Интернет-анкета разрабатывалась на основании технологий, предоставленных в публичное пользование ООО «Гугл» (Google International) – «Гугл Формы» (Google Form). Общий объем анкеты – 9 вопросов. Из-за социальной значимости обследования анкетирование проводилось анонимно, персональные данные не собирались.

Выборка исследования. Общий объем выборки – 650 человек (48 % мужчины), средний возраст 21,9 лет. В исследовании принимали участие: обучающиеся, проживающие в двух федеральных центрах, – г. Москве и г. Санкт-Петербурге, жители 27 областных центров с населением от 500 тыс. человек до 2 млн человек, жители 47 городов с населением от 100 тыс. человек до 500 тыс. человек, жители 30 малых городов и поселков городского типа.

Метод сбора информации. Исследование субъективного представления о вандализме у горожан проводилось методом самоотчета – анкеты, нацеленной на сбор информации о мотиве вандализма, значении вандальных действий, ценности вандальных действий и готовности к совершению вандальных действий.

1. Мотивы вандализма изучались с помощью открытого вопроса: «Что, по Вашему мнению, побуждало сделать такие действия (повреждения, надписи)?» Ответы обследуемых о мотивах обобщались в два показателя – содержание мотивов, интенсивность мотивов. Содержание мотивов анализирова-

лось с помощью категорийного контент-анализа, позволившего упорядочить 82 % ответов (533 ответа). 18 % (117 человек) не дали ответа либо сформулировали его в неинтерпретируемом виде. Исходя из полученных ответов были определены следующие виды мотивов, побуждающих вандализм: а) эмоциональные мотивы (весело, страшно, грустно, обидно) (43 % ответов); б) коммуникативные мотивы (сообщить, рассказать) (21 % ответов); в) личностные мотивы (одиночество, самодемонстрация, самореализация) (18 % ответов). Кроме содержания оценивался показатель интенсивности мотивации. Он определялся путем суммирования мотивов, которые перечислял анкетированный. Как правило, обследуемые называли от 2 до 3 мотивов. Доля таких ответов в выборке была более 70 %. Характеристики распределения ответов: ср. значение – 2,1; стандартное отклонение (далее – SD) = 1,3.

2. Значение вандальных действий изучалось с помощью закрытого вопроса («Имеют ли какое-либо значение данные действия (повреждения, надписи)?») с вариантами ответа «Не имеют», «Затрудняюсь ответить», «Имеют», кодируемыми в трёхбалльной шкале. Статистики ответов: ср. знач. = 1,4, SD = 0,72. Разброс – 2 балла.

3. Ценность вандальных действий измерялась закрытым вопросом «Нравится ли Вам новый вид объекта, подвергшегося вандальному воздействию?» Варианты ответа – «Не нравятся», «Затрудняюсь ответить», «Нравятся») – кодировались в трёхбалльной шкале. Статистики ответов: ср. знач. = 1,1, SD = 0,91.

4. Субъективная способность к вандальным действиям («Способны ли Вы к совершению подобных вандальных действий?»); варианты ответа: «Не способен», «Затрудняюсь ответить», «Думаю, что способен»). Ответы распределились следующим образом («Не способен» – 54 %, «Затрудняюсь ответить» – 12 %, «Думаю, что способен» – 34 %). В дальнейшем анализе участвовали записи с ответами «Не способен» и «Думаю, что способен».

Гипотеза исследования заключалась в наличии совместного влияния переменных «Присвоение

значения вандальным действиям», «Присвоение ценности вандальным действиям» и «Количества мотивов вандализма» на переменную «Способность к вандальным действиям».

Методы обработки результатов. Обработка данных производилась методами дескриптивной параметрической статистики, выявление различий устанавливалось методом t-критерия Стьюдента, оценка эффекта влияния нескольких переменных изучалась с помощью многофакторного дисперсионного анализа. Статистические вычисления проводились в программе JASP.

Результаты исследования. Данные исследования структурировались для определения влияния переменных «Присвоение значения вандальным действиям» и «Присвоение ценности вандальным действиям» на показатель, оценивающий субъективную способность к вандализму.

С этой целью были определены две группы обследуемых – признающих свою способность совершения вандальных действий и отрицающих такую способность. В каждой из групп оценивались средние значения и стандартные отклонения переменных, определялась значимость различий между группами. Результаты представлены в таблице 1.

Оценка различий показала, что переменные «Присвоение значения вандальным действиям», «Присвоение ценности вандальным действиям» и «Количество мотивов вандализма» статистически различаются в группах обследуемых, разделенных по субъективной способности к вандальным действиям.

Это позволило перейти к проверке основной гипотезы исследования – оценке сопряженного влияния переменных внутреннего плана вандального действия. Проверка проводилась многофакторным дисперсионным анализом (ANOVA). Он продемонстрировал отсутствие взаимного влияния всех переменных ($p > 0,61$) на способность к вандализму. Вместе с тем переменные «Присвоение значения вандальным действиям» и «Присвоение ценности вандальным действиям» все же влияют на переменную «Способность к вандальным действиям» ($F_{(1,511)} = 3,78$; $p = 0,05$; $\varepsilon^2 = 0,06$; оценка мощ-

Таблица 1

Переменные исследования и их значения

Переменные и их характеристики		Субъективная способность к вандальным действиям				Статистическая значимость различий между группами
		«Неспособен»		«Способен»		
		Mx	SD	Mx	SD	
Присвоение значения вандальным действиям	Есть значение	1,2	0,41	1,7	0,31	$p < 0,05^*$
	Нет значения	1,1	0,39	1,4	0,17	$p > 0,2$
Присвоение ценности вандальным действиям	Ценны	1,2	0,84	2,7	0,72	$p < 0,01^{***}$
	Обесценены	1,4	0,40	1,3	0,64	$p > 0,7$
Количество мотивов вандализма		1,6	0,23	2,4	1,04	$p > 0,05^*$

Примечание: для оценки различий использовался t-тест Стьюдента; гомогенность дисперсий оценивалась тестом Ливена.

ности = 0,62 (при $\alpha = 0,05$). Переменная «Количество мотивов вандальных действий» не оказывает совместного эффекта с данными переменными.

Обсуждение результатов. Основным результатом выступило обнаружение взаимного влияния двух переменных «Присвоение ценностей вандальным действиям» и «Присвоение значений вандальным действиям» на переменную «Способность к вандальным действиям». Этот результат в целом соответствует предположениям о возможности прогнозирования поведения на основе представлений и установок относительно его ценности и социальной значимости [Armitage, Conner: 480]. Вместе с тем полученный в исследовании эффект является локальным, поскольку он не наблюдается внутри групп, дифференцируемых нами по критерию способности к вандальным действиям. Исходя из результата следует, что лица, считающие себя способными (либо не способными) к вандализму, но по-разному оценивающие его, не отличаются друг от друга.

Соответственно, критерии придания ценности вандальным действиям и значения вандальным повреждениям являются признаком, характеризующим крайние по противоположности взгляды на вандализм, исходя из готовности его совершить. Первая точка зрения обесценивает вандализм и игнорирует его в городской среде. Приверженцы этих взглядов отрицают свою способность к вандальным действиям. Вторая точка зрения приписывает значение вандальным повреждениям и считает их более ценными, чем городская среда. Представители этой точки зрения считают себя готовыми к вандализму.

Вместе с тем выявленный эффект показывает, что мнение о вандализме не является контрастным. По-видимому, отрицание вандальных действий либо их принятие разделены несколькими промежуточными представлениями, заполняющими пространство между отрицанием и принятием вандализма. В поддержку этого предположения могут выступить различия в количестве мотивов вандальных действий, присущие группам, различающимся по критерию ценности и значения вандализма.

В исследовании установлено, что лица, различающиеся признанием ценности вандальных действий, называют схожее количество мотивов, а лица, усматривающие значение в вандальных повреждениях, называют больше мотивов, чем те, кто не видит в вандализме какого-либо значения. Таким образом, и ценящие, и обесценивающие вандализм обследуемые приводят схожее количество мотивов, объясняющих вандализм. А обследуемые, склонные разбираться в значении вандальных повреждений, приписывают большее количество мотивов, чем опрошенные, игнорирующие какое-либо значение вандализма.

Можно предположить, что придание значения вандальным повреждениям свидетельствует о праг-

матическом измерении вандального действия. В прагматическом контексте вандальные действия выступают способом удовлетворения рутинных, утилитарных потребностей горожан. Например, нанесение надписей на стены для привлечения внимания, выбрасывание мусора для экономии личного времени, хищение имущества общего пользования – в целях возмещения утраченного. По-видимому, прагматическое измерение располагается между крайними взглядами на вандализм, задаваемыми его ценностью и значимостью, мотивируется эффективностью вандальных действий в удовлетворении сиюминутных побуждений.

Заключение. Представленное эмпирическое исследование закрепляло теоретическую модель субъективных компонент вандальных действий, сформированную на основе теоретических положений деятельностного подхода. Результаты показали наличие сложных отношений, обуславливающих признание способности к совершению вандальных действий, двумя переменными – приданием им значений и признанием их ценности, превышающей ценность поражаемого (разрушаемого) объекта. Выявленные конфигурации переменных позволили сформулировать предположение о наличии особого – прагматического – отношения горожан к вандализму, заполняющего субъективное пространство между признанием способности к его совершению и категорическим отрицанием такой возможности. Проверке данных предположений будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Список литературы

- Воробьева И.В., Кружкова О.В.* Возможности диагностики мотивов вандального поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259). С. 35–40.
- Гурова О.В.* Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема // Образование и наука. 2018. № 10. С. 76–94.
- Руденкин Д.В.* Считываемый образ вандализма в представлениях российской городской молодежи // Дискурс. 2017. № 10 (12). С. 96–104.
- Afshani J.* The Relationship between Self-Control and Vandalism among the First- and Second-Year High School Students at Yazd City. *Journal of Applied Environmental and Biological Sciences*, 2015, № 5 (9), pp. 729–734.
- Ajzen I.* The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991, № 50, pp. 179–211.
- Armitage C.J., Conner M.* Efficacy of the theory of planned behaviour: A meta-analytic review. *British Journal of Social Psychology*, 2001, № 40, pp. 471–499.
- Başer D., Kırhoğlu M., Mavili Aktaş A.* Graffiti As An Expression Of Oneself In Adolescence:

A Qualitative Study From The Perspective of Social Work. *Journal of Society & Social Work*, 2014, № 25 (1), pp. 7–20.

Canter D. Vandalism, overview and prospect. Vandalism behavior and motivations. Amsterdam, Elsevier science publishers B. V., 1984, pp. 269–279.

Ceccato V., Haining R. Assessing the geography of vandalism: Evidence from a Swedish city. *Urban Studies*, 2005, № 4 (29), pp. 1637–1656.

Cohen S. Destruction of property: motives and meanings. *Vandalism*, ed. by C. Ward. London, The Architectural Press, 1973, pp. 23–53.

Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V., Zhdanova N.E. Adolescent vandalism: the role of the parent-child relationship in the development of destructive behavior. *Psychology in Russia, State of Art*, 2018, vol. 1, 11, pp. 168–182.

Lewis C.A. Comment: Healing in the Urban environment: A person/plant viewpoint. *Journal of the American Planning Association*, 1979, vol. 45, № 3, pp. 330–338.

Nijhof K.S., Scholte R.H.J., Overbeek G., Engels R.C.M.E. Friends' and adolescents' delinquency: The moderating role of social status and reciprocity of friendships. *Criminal Justice and Behavior*, 2010, № 37 (3), pp. 289–305.

Šakić V., Franc R., Mlačić B. Self-Expressed Tendency of Adolescents towards Social Deviations and Antisocial Behaviour. *Drustvena Istrazivanja*, 2002, № 2 (3), pp. 265–289.

Van Ouytsel J., Ponnet K., Walrave M. The associations of adolescents' dating violence victimization, well-being and engagement in risk behaviors. *Journal of adolescence*, 2017, № 55, pp. 66–71.

References

Vorob'eva I.V., Kruzhkova O.V. *Vozmozhnosti diagnostiki motivov vandal'nogo povedeniya* [Possibilities of diagnostics of motives of vandalism]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology], 2011, № 42 (259), pp. 35–40. (In Russ.)

Gurova O.V. *Vandal'noe povedenie podrostkov kak pravovaya i psihologicheskaya problema* [Adolescent vadalistic behavior as a legal and psychology problem]. *Obrazovanie i nauka* [Educational and Science], 2018, № 10, pp. 76–94. (In Russ.)

Rudenko D.V. *Schityvaemyj obraz vandalizma v predstavleniyah rossijskoj gorodskoj molodezhi* [The perceived image of vandalism in the perceptions of Russian urban youth]. *Diskurs* [Discurs], 2017, № 10 (12), pp. 96–104. (In Russ.)